



И. А. БУНИНЪ ВЪ ЮГОСЛАВИИ.

Въ саду Русской Делегации въ Бѣлградѣ: председатель сербской Академіи Наукъ А. И. Бѣличъ, И. А. Бунинъ, К. О. Штрандманъ, академикъ П. Б. Струве.

Пріѣздъ И. А. Бунина, несмотря на свою неожиданность и кратковременность, явился крупнымъ событіемъ въ культурной жизни Югославии.

Сербскія газеты помѣстили его портреты и обширныя интервью. Югославянскій «Пенклубъ» въ честь гостя устроилъ обѣдъ, а председатель сербской Академіи Наукъ А. И. Беличъ — чай; на этихъ собраніяхъ И. А. Бунинъ познакомился съ выдающимися представителями сербской литературы.

Союзъ русскихъ писателей и журналистовъ чествовалъ Нобелевскаго лауреата завтракомъ, на которомъ съ рѣчами выступали: П. Б. Струве, А. Л. Погодинъ, И. Н. Голенищевъ — Кутузовъ.

Послѣ осмотра Бѣлграда, визита къ русскимъ соколамъ и въ другія русскія организации, И. А. Бунинъ совершилъ поѣздки въ Опленецъ, къ усыпальницѣ короля Александра и на гору Авала, къ могилѣ «Неизвестнаго солдата». И. А. Бунинъ былъ приглашенъ княземъ — наместникомъ Павломъ въ его лѣтнюю резиденцію «Брдо» на Крапской горѣ въ Словеніи, откуда уѣхать на итальянскую Ривьеру.

му окна, и звуки стали рѣзче, неожиданнѣе, свѣжѣе. Природа воскресала и радостно вѣрила и не вѣрила новой жизни.

Въ кабинетъ Толстого вошла въ нарядномъ весеннемъ платьѣ молодая женщина, сияющая, пахнущая одеколономъ Софья Андреевна.

— Левочка, обѣдать! — и она положила руки ему на плечи.

— Иди! Какъ хорошо...

Толстой нехотя собралъ въ кучу лежавшія на столѣ бумали, накрылъ ихъ тяжелымъ прессъ-панье, всталъ кряхтя и хмуро побрелъ въ столовую.

— Не сюда, не сюда! — весело крикнула сзади Софья Андреевна. — На террасу! — И, обогнавъ его, быстро пошла впередъ.

Столъ былъ накрытъ новой блестящей скатертью. На солнцѣ сверкала посуда, графины, приборы. Стояли вазы съ букетами вѣтовокъ и раннихъ весеннихъ цвѣтовъ — блѣдныхъ, безуханныхъ, трогательныхъ. Софья Андреевна еще разъ оглянула внимательно и любовно столъ и обернулась къ входившему мужу.

— Хорошо? Нравится?

— Да нѣтъ, нехорошо, — неприязненно взглянувъ на праздничный столъ, сказалъ Толстой. — Въ столовой хоть никто не видитъ, а здѣсь весь нашъ позоръ наружи.

Софья Андреевна поблѣкла, осунулась, постарѣла.

— А я думала, ты скажешь: ахъ, какъ хо-

рошо. Воздухъ-то какой, день-то какой!... Илья Васильевичъ, вы звонили?

— Звонилъ-съ.

— Почему же я не слышала и не идетъ никто? Позвоните еще разъ.

Илья Васильевичъ подхлестнулъ подмышку салфетку, сошелъ съ террасы и направился къ дереву бѣдныхъ, у котораго сидѣли двое — трое посѣтителей. Задрезжалъ колоколъ, сплунувъ съ дерева грачей. Стали собираться къ столу домохозяды.

— Ты, Сонечка, не обижайся, — сказалъ Толстой, кроша въ супъ сухарики. — Вѣрю, что ты хотѣла доставить мнѣ удовольствіе. Но что же дѣлать, если никакого удовольствія не получается. Чѣмъ я виноватъ, хотя бы въ томъ, что меня знаменитостью сдѣлали. Вошь, сидятъ и глядятъ. Ужасно!

— Простите великодушно, — послышался голосъ незамѣтно подошедшаго къ террасѣ посѣтителя, — хотѣлъ спросить васъ коротенько, ваше сіятельство... Двое сутокъ къ вамъ ѣхалъ, дѣла бросить.

— Ну, что такое? — спросилъ обернувшись Толстой.

— Правду ли говорятъ, ваше сіятельство, будто землю какую-то звѣзда задѣнетъ и конецъ міру будетъ?

— Чепуха, — отвѣтилъ Толстой, — ничего не будетъ. Есть люди, которымъ дѣлать нечего, вотъ и вычисляють, когда, да гдѣ какая — нибудь комета пролетитъ. А каждый

изъ насъ завтра помереть можетъ. Какое намъ дѣло?

— Такъ, значитъ, не задѣнетъ? — напряженно глядя ему въ глаза, снова спросилъ посѣтитель.

— Нѣтъ.

— Покорнѣйше благодаримъ. Желаемъ счастливо оставаться. — Раскланялся посѣтитель. — Вотъ и разговоръ весь! Въ Тулѣ, племянникъ встрѣтитъ, выпьемъ съ нимъ за ваше здоровье. Послѣ васъ намъ никакія газеты не страшны. Пушай врутъ на здоровье. Надо чѣмъ — нибудь публику приваживать. Какъ у насъ въ галантерейномъ дѣлѣ все равно.

— Только вы всетаки лучше ужъ не вышывайте.

— Что вы, ваше сіятельство? По такому-то случаю? Сюда ѣхавши, съ унынія бѣлой головки хватилъ, а сейчасъ коньяку съ тремя звѣздочками не жалко. Такое дѣло этого стоитъ. Они насъ одной звѣздой, а мы ихъ тремя!

Толстой отвернулся, улыбнулся и, встрѣтившись глазами съ Софьей Андреевной, сказалъ вполголоса:

— Нѣтъ, хорошо сдѣлали, что здѣсь накрыли. Не накрыли бы, можетъ быть, онъ меня и не дождался бы. Душанъ бы его спрадалъ. Онъ сумѣетъ. — И Толстой весело подмигнулъ Маковичкову, который отодвинувшись отъ стола, что-то писалъ на колѣняхъ въ записной книжечкѣ.

— Неужели про комету? — спросилъ Толстой и опять напустился. — Зачѣмъ? Бросьте! Не всякую же глупость записывать... Тутъ вѣдь и не въ кометѣ дѣло, а въ томъ, что выпить хочется.

— Смотри, и остальные уходятъ, — конспиративно шепнула Софья Андреевна.

— Ну, и слава Богу. Значитъ и ихъ комета задѣла.

3. Соловьи

Было совершенно темно. Въ Кочетахъ, въ домѣ Сухотинныхъ давно горѣли огни. На широкой низкой террасѣ были накрыты большіе столы для ужина. Пламя свѣчей, окруженное мутными одуванчиками сіянія, тянулось вверхъ, неподвижное, задумчивое. За перилами чернѣлъ, гремя соловьями, огромный паркъ съ безконечными, переплетающимися дорожками.

— Ну вотъ, — волновалась Татьяна Львовна, — ушелъ! Гдѣ его теперь найдешь? Паркъ у насъ три версты въ окружности, а во всѣхъ дорожкахъ верстъ двѣнадцать. Сдѣлается дурно, упадетъ и до утра пролежитъ. Когда онъ гуляетъ и думаетъ о чемъ — нибудь, онъ совершенно забываетъ направление. Въ Ясной и то часто блуждалъ и попадалъ Богъ знаетъ куда.

— Ничего, на свѣтъ выйдетъ. — успокаивалъ Михаилъ Сергѣевичъ, — да и собаки все время лаютъ.

— Но онъ только что пріѣхалъ... Усталъ... И какъ это я не замѣтила, когда онъ ушелъ! Ни за что бы не пустила.

— Очень ужъ вы его опекаете, — сказалъ Сухотинъ. — Идетъ старикъ гулять, а за нимъ по пятамъ ищейки. Безобразіе!

Прошло еще полчаса, часъ, а Толстого все не было. По парку во всѣхъ направленияхъ замелькали огни. Это пошли его разыскивать. Кто съ факеломъ, кто съ фонаремъ, кто со свѣчей въ колпакѣ. Приказчикъ Сухотинныхъ, котораго долго не могли добудить, отдалъ спросонья самую рѣшитель-

Какъ я провѣлъ vacanza. Ис. Юки Мада

1. Мы были у моря которое называлось океанъ и въ каждую пятницу каждый день даже если мы были совсемъ чистые.

2. Тамъ были тоже Таспандины друзья про которыхъ Пана говорилъ что онъ умеръ изъ-за сухой выдохнулъ но онъ мнѣ это нѣ хатъ нѣ никогда не казало.

3. Больше всего мнѣ понравился атмивъ когда море уходитъ далеко и можно нѣ купаться.

4. Самое нѣ приятное съмѣлины ванны намъ мнѣ замѣняли бѣдаются огни редко.

5. Мамы Штирты остиглась совсемъ поже коротко и говорила что она похожа на мальчишку. Я такъ нѣ мальчишкова никогда нѣ не видѣлъ.

6. Мама все нѣ рассказывала что она плавали какъ рыба а Пана сказалъ что она мнѣ молчала какъ та.

7. Я катался на лотисѣ. Огни тошнито.

8. Марья Темровна мѣрилась съ Мадомъ Штирты кто больше загарнѣлъ и въ бѣли въ жару только нѣ я нѣмъ что я маленький. Какъ бѣто я слитой и ни могу видѣть кто больше загарнѣлъ. Дураки.

9. Мнѣ эти vacanza огни нѣ понравились. Паме харамо: имъ заплатили за отпускъ а я все это делалъ даромъ!!

10. Мнѣ нѣ пролетѣлъ огни медленно и я былъ огни радъ что наконецъ можно ехать на заѣвъ и разсѣмѣваться Выстову. Я слышалъ бѣто она уже готова.